

НАДЕЖДА СОКОЛОВА

ВЛАДЕЛИЦА
ПУСТЫХ
ЗЕМЕЛЬ

Надежда Соколова

Владелица Пустых земель

«Автор»

2026

Соколова Н. И.

Владелица Пустых земель / Н. И. Соколова — «Автор», 2026

В свои 35 я попала в другой мир, магический и жестокий к чужакам. Теперь, вместе с пятью изгоями, я пытаюсь выжить в Пустых землях, на бесплодной земле. Впрочем, так ли она бесплодна? И почему ко мне начали проявлять интерес соседи-аристократы?..

© Соколова Н. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Надежда Соколова

Владелица Пустых земель

Глава 1

«Пустые земли прокляты самими богами, - утверждала летопись, которую я держала в руках. — Никто никогда не сможет вырастить на них ни урожай, ни потомство. Даже орки, чьи племена кочуют по степям, обходят стороной Пустые земли. Бесплодие — вот что отличает этот край».

Я провела пальцем по сухой, шершавой странице, и пыльца веков осела на подушечке. Летопись пахла плесенью, сухим клеем и чем-то ещё, отдалённо напоминающим полынь, — тот самый горький привкус, что витал в воздухе за стенами дома. «Пустые земли прокляты самими богами», — прочитала я вновь, и где-то в груди шевельнулось не то чтобы принятие, а скорее тихое удивление. Тридцать пять лет земной жизни, а теперь — один год здесь. Всего двенадцать месяцев, а казалось — целая вечность. И за этот год я успела убедиться: боги, если они вообще существуют, действительно обошли этот край стороной. Но почему-то это не пугало. Только настораживало, как настораживает непривычная тишина после городского шума.

Страница мелко задрожала в моих пальцах, когда снизу донёсся звук — тяжёлый, глухой удар, а следом басовитое, с хрипотцой, ворчание Грисса. Я закрыла фолиант, оставив на его обложке влажный след от ладони, и поднялась. Старое кресло, в котором я провела последние три часа, жалобно скрипнуло — разошедшееся дерево жаловалось на каждый мой вздох. Я ещё не привыкла к этому звуку. За год он так и не стал родным. Пол под ногами был холодным, даже сквозь плотные шерстяные носки, связанные Ариссой ещё месяц назад, когда я впервые пожаловалась на озноб. Доски поскрипывали, и я уже выучила их голоса: третий от двери всегда оседал, если наступить с пятки, а крайний у стены издавал протяжный вой, когда я проходила мимо. Маленькое знание, которое давало мне иллюзию контроля над этим чужим миром.

Спускаясь по крутой, скрипучей лестнице, я слышала, как внизу возились мои товарищи. Запахи ударили в нос одновременно: сырая, чуть болотистая шерсть тролля, тёплый металл гномьего доспеха, и — тонкая, почти неуловимая нота — кровь. Свежая, терпкая. Я замерла на нижней ступеньке, вглядываясь в полумрак первой комнаты. Сердце билось быстрее обычного — за год я так и не научилась спокойно встречать охотников. Каждый раз думала: а вдруг не вернутся? Вдруг останутся там, в степи или в лесу?

Грисс стоял у самого порога, снимая с плеча тушку молодого оленя. Его высокая, зелёная кожа, покрытая мелкими, как старая кора, наростами, блестела от пота, и на левом плече, где ремень копья натёр кожу, я заметила светлую полосу — шрам, о котором он рассказывал только раз, в первую нашу охоту вместе. Тогда я чуть не расплакалась от страха, увидев, как он разрывает кабана голыми руками. Теперь я просто смотрела, и внутри разрасталось тёплое, колющее чувство — доверие? Или усталая благодарность? Троль тяжело дышал — я видела, как вздымаются его широкие, могучие плечи под грубой кожаной безрукавкой, застёгнутой на медные пряжки. Он поймал мой взгляд и коротко кивнул, и в этом жесте было столько спокойной уверенности, что у меня на миг отпустило напряжение в плечах. Его жёсткие чёрные волосы, собранные в низкий хвост, растрепались, и несколько прядей прилипли к высокому, скошенному лбу, а из-под них выступали тупые, чуть выступающие роговые наросты — признак возраста, как я поняла из его редких рассказов.

— Мы принесли, — пробасил он, и его голос, низкий и рокочущий, всегда напоминал мне далёкий гром, который катится по степи, но с мягкой, почти отеческой нотой. — Маловато, но на два дня хватит.

Арисса, стоящая рядом, фыркнула и принялась расстёгивать кожаный пояс с множеством тусклых медных пряжек. Её коренастая фигура казалась почти квадратной в тени, падающей от единственного масляного светильника, что висел над очагом. Гномка была ниже меня на голову, но в её руках чувствовалась такая сила, что она могла одним ударом сломать рога взрослому оленю — я видела это своими глазами, и тогда у меня перехватило дыхание. Её густые, пепельно-рыжие волосы были заплетены в тугую косу, а короткая, аккуратно подстриженная борода — в три тонкие косички с медными бусинами на концах: традиция её рода, как она объясняла в один из вечеров, когда мы сидели у огня и я слушала, раскрыв рот. Сейчас бусины звенели при каждом её движении, и этот сухой перезвон смешивался с её ворчанием — незлым, скорее привычным.

— Лесник поставил новую ловушку, — сказала Арисса, снимая через голову перевязь с топором. — На западной тропе, у старого дуба. Магическая, на разрыв. Мы едва ушли — хорошо, что Грисс почуял запах настойки, которой её пропитали. Пришлось обходить через болото. Полдня крюку.

Она говорила так, будто речь шла о дожде или ветре, — без гнева, без обиды. Только усталость, глубокая и липкая, стояла в её жёлтых, как янтарь, глазах, и я заметила тёмные круги под ними. Арисса перевела дух и опустилась на табурет у очага, протягивая к тлеющим углям свои короткие, но крепкие руки, покрытые сетью мелких морщин и мозолей. Пальцы её слегка дрожали — от холода, от напряжения, от долгого пути. Я подошла ближе и молча подвинула к ней кружку с тёплой водой — травяной настой, который я заварила ещё утром. Она благодарно кивнула, и этот простой жест сделал меня почти счастливой.

Я подошла к столу, провела ладонью по его шершавой, залитой воском поверхности. Стол был грубо сколочен из досок, которые мы нашли в заброшенной сторожке на краю леса, — и я помнила тот день, когда мы вчетвером тащили их через степь, обливаясь потом. На столе всегда лежала скатерть — выцветшая, с вышитыми эльфийскими рунами, которые, как уверял Миранель, должны привлекать удачу. Я не знала, действуют ли они, но скатерть мне нравилась: синяя, с серебряными нитями, она напоминала мне вечернее небо над моим старым городом, тем, что остался на Земле. За год я так и не привыкла к тому, что его больше нет, но эта скатерть — маленький якорь, который не давал мне уплыть.

— Потомство, — тихо сказала я, обводя взглядом комнату. И сама удивилась, как спокойно прозвучал мой голос.

Грисс поднял на меня глаза — большие, тёмно-карие, почти чёрные, с вертикальным зрачком, который сузился, когда он вглядывался в моё лицо. В них светилось спокойное любопытство, без насмешки, и я почувствовала, что могу говорить дальше.

— Летопись, — пояснила я, кивнув в сторону лестницы. — «Никогда не сможет вырастить ни урожай, ни потомство». Я здесь всего год, но я уже заметила: мои волосы не секутся, кожа не сохнет, хотя мы едим впроголодь и спим на жёстких лавках. На Земле в мои тридцать пять я бы уже чувствовала спину после такой жизни. А здесь — ничего. Я старею медленнее. Может быть, поэтому они ошибаются. Или это не проклятие вовсе.

Арисса хмыкнула, отпивая настой, и её пальцы на мгновение замерли на горячей кружке.

— Ты слишком много читаешь, человечка, — сказала она беззлобно, и её голос, чуть более высокий, чем у Грисса, но всё же с хрипотцой, звучал тепло. — Книги делают людей уязвимыми. Они начинают искать смысл там, где есть только земля и ветер. Но ты здесь всего год. Подожди пять, и, может быть, ты перестанешь искать.

Я улыбнулась. Арисса была права — книги часто становились моим убежищем, особенно в первые месяцы, когда я просыпалась по ночам и не понимала, где нахожусь. Но за этот год я

научилась не прятаться в них, а находить в словах опору. Я перевела взгляд на оленя, лежащего на широкой лавке возле двери. Его шкура была серой, с серебристым подшёрстком, и на шее виднелась глубокая рана, нанесённая копьём Грисса. Кровь уже начала темнеть, сворачиваться, и по комнате разливался горьковатый запах железа и влажной шерсти. В животе заурчало — голодно и требовательно. Я ещё не привыкла к этому чувству, к тому, что оно становится спутником почти каждый день.

— Сегодня я сделаю похлёбку с кореньями, — сказала я, подходя к очагу, и голос мой прозвучал увереннее, чем я ожидала. — У нас осталось немного сушёного лука и три горсти овсяной крупы. Этого хватит, чтобы растянуть мясо на три дня, если добавить болотной травы. Она горькая, но терпимая. Я уже пробовала её в прошлом месяце.

Грисс одобрительно качнул своей массивной головой и начал разделывать тушу. Его большие, с тремя суставами, пальцы двигались с удивительной лёгкостью — я залюбовалась на мгновение, как он умел сочетать грубую силу и почти ювелирную осторожность. Шкура отошла единым пластом, почти без звука, и я увидела розоватое, ещё тёплое мясо. Запах свежей крови ударил в ноздри, и я почувствовала, как рот наполняется слюной. Стыдливо отвернулась, чтобы никто не заметил, но Арисса тихо хмыкнула и подмигнула мне. Гномка видела всё, но никогда не осуждала.

Я взяла большой нож, подаренный мне эльфам, и начала резать лук. Лезвие было тонким, почти невесомым, и каждый раз, когда я брала его в руки, я чувствовала тепло — не физическое, а то странное чувство, будто Миранель оставил частичку своей души в этом металле. Лук пах резко, горько, и слёзы защипали глаза. Я не стала их вытирать. Пусть текут — это были слёзы не от слабости, а от той простой человеческой радости, что я могу делать привычное дело: резать, мешать, солить. За год это стало моим ритуалом, моей маленькой победой над бесплодной землёй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.